

RĪGAS KINO MĀKLS

RĪGAS KINO MĀKLS RĪŽEKĪJĀ DOMĀ KINO

RĪŽEKĪJĀ DOMĀ KINO RĪGAS KINO MĀKLS

ЖАН ГАБЕН

РИЖСКИЙ ДОМ КИНО

ЗАВЕЩАНИЕ ГАБЕНА

Жан Габен... Миллионы людей в разных странах знали это имя. Французские кинодеятели называли его своим патриархом. Для простых французов он был нечто вроде национального кумира, великим актером, воплотившим образ типичного француза на экране и оставшимся типичным французом до конца своей жизни.

Франция прощалась с Жаном Габеном. Его лежало на заре 15 ноября 1976 года. Еще несколько дней назад планировалась церемония вручения ему знака офицера Почетного легиона. Французские телезрители только что видели его на своих экранах в новом телефильме «Дело Доминичи». Режиссер Жюли Жиро, сивший «последнего Габена» в «Святом годе», договорился с ним о новом фильме, в котором актер должен был играть роль мелкого коммерсанта, борющегося против засилья трестов. Внезапная смерть на 73-м году жизни оборвала все планы.

За свою почти полувековую артистическую карьеру Жан Габен был героем 93 фильмов, многие из которых вошли в золотой фонд французского и мирового кино. С ним работало большинство выдающихся французских кинорежиссеров. Сценаристы писали роли «специально под Габена». Первый фильм с его участием «Каждому свой шанс» вышел в 1930 году, последний — «Святой год» в 1976 году.

Посвящая сейчас памяти Габена многочисленные статьи, воспоминания, французские артисты, драматурги, режиссеры единодушно отмечают его высокую профессиональную требовательность к себе, глубокое проникновение в роли своих персонажей, полную отдачу сил при съемках фильма. В своей «Автобиографии» Жан Ренуар, ставший классиком французского кино, писал: «Габен — это актер с большой буквы «А». Я снимал в кино множество актеров, но никогда не встречал такой кинематографической мощи. Он не входит в роль своих персонажей, он их создает... Габен решал жизненные проблемы с той же спокойной силой, с какой проникал в секреты очередной роли... Во время съемок он не нуджался в передышки, чтобы собраться с силой. Когда мы снимали «Френч каниан», он занимал паузы тем, что давал своим жене рецепты приготовления зайца в горнице. Его прерывали, чтобы отнять очередную сцену. Он восхитительно ее играл и возвращался к своему месту точно в том месте, на котором остановился, переходя от роли к своему «зайцу в горнице» без всяких затруднений». О Габене при жизни было сложно собрать легенду как об актере и человеке. «О нем много говорили и почти всегда ошибались», — пишет сегодня режиссер Жан Делануа, сивший с Габеном серию фильмов о сименоновском комиссаре Мегрэ. «Этот жесткий на вид человек был очень мягким. Спокойным. Когда какаинбудь фразы у него «не шло», всегда оказывалось, что она лишняя. Ибо главной чертой этого «супермена», порой резкого, но никогда не грубого, не пультарного, было целомудрие». «Это был очаровательный товарищ в работе», — пишет Мадлен Рено. «Я ему обладала всем в кино», — Мишель Морган.

На кладбище Пер-Ланез в присутствии тысяч людей 17 ноября состоялась церемония кремации Жана Габена. Но прах его будет покончить не на этом знаменитом парижском кладбище, а развеяна на рейде французского порта Брест. В годы войны против фашизма актер сменял съемочную площадку в Голливуде на боевой пост моряка военного корабля. В день освобождения Франции на его матроске были Военный крест, боевая серебряная медаль и знак кавалера Почетного легиона. В своем завещании Габен выразил последнее пожелание — чтобы его похоронили как военного моряка в открытом море.

Соб. корр. «Известий», ПАРИЖ.

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ЖАН ГАБЕН

Всего лишь за неделю до смерти Жана Габена журнал «Пуан» опубликовал результаты анкеты «Кто из актеров оказал самое большое влияние на развитие французского кинематографа за последние десять лет?» Первое место (тридцать процентов голосов) занял Жан Габен; второе (19 процентов голосов) — Жан-Поль Бельмондо. Это вряд ли отвечает действительности, однако, свидетельствует о месте,

которое большой артист занимает в сознании и сердцах своих соотечественников.

Как и его отец (Жорж Монкорже, артистический псевдоним которого Жозеф Габен), он начинает играть в 1922 году в варьете. В двенадцатилетнем возрасте он поет и танцует на сцене театра «Фюли-Бержер», а позднее в «Мулен Руж». Некоторые находят, что молодой Габен — «печальная» копия Мориса Шевалье, но, несомненно, на это, он выступает в паре с Мишленгет, Джозефиной Бейкер. В 1930 году Габен оставляет сцену, чтобы оказаться на съемочной площадке. Всего лишь пять лет спустя, после успеха «Бандиты», где он играет с Аниабеллой (режиссер Жюльен Дювье), Габен признан французской кинозвездой номер 1.

Вместе с известным режиссером Жаном Ренуаром, Жюльемс Дювье и Марселем Карне он создает много фильмов, вошедших в сокровищницу французской киноклассики: «Великая иллюзия», «На дне», «Славеск-зень», «Пепе ле Мекко», «Набережная туманов», «Нера начинаются», «Гологофа», «Мари Шапделен» и многие другие. В них Габен постепенно создал образ, который принес ему всемирную известность: «лхлой удалец», «душной парень» французского кино, мечтатель с трагической судьбой, замешанный в бесчисленные истории, авантюрист, легионер, десантник, убийца с добрым сердцем и неподражаемым благородством.

Жану Габену было 31 год, а Мишель Морган — всего 18, когда они впервые встретились, чтобы сниматься в «Набережной туманов» и стали самой знаменитой парой французского экрана и в жизни. Любимый их, была прервана войной, но дружба между ними сохранилась на всю жизнь. Война положила конец карьере Габена: он был мобилизован на флот, затем эмигрировал в США. Голливуд не обратил никакого внимания на известного француза, но там он встретил самую блестящую в то время голливудскую звезду — Марлен Дитрих. Война вновь вмешалась в его жизнь: сразу же после открытия второго фронта в Европе актер ушел добровольцем в армию, а Марлен Дитрих ездила по воинским частям и ждала для солдат. Когда Габена демобилизовали, двое артистов сблизились в фильме «Марлен Руманова» по особому призыванию очень слабой ленте, единственную копию которой Габен впоследствии уничтожил.

Первые мирные годы — кризисный период в творчестве Жана Габена. Довольно романтично смелый ужасы войны. Новая волна в кино, принявшая другие художественные и философские критерии, довольно носечно объявила Габена «олигаторином прошлого». А и «сентиментальный» герой начал сесть, сказавшая усталость военных лет. Целых семь лет кинотудла оставались закрытыми для него. Реально отброшенный в «гетто белобородых», большой актер решил забаррикадироваться именно там. Режиссер Жак Беккер помог ему вновь ступить на путь славы: когда в 1953 году зрелый и внушительный Жан Габен появился в фильме «Ис трофле добычу», триумф был полным. «Душной парень» стал «патер семейства», добровольцем буржуа, хорошо устроившимся в жизни. Названия фильмов, в которых он снимался, красноречиво говорят о социальном преобразовании нового образа актера: «Сильные мира сего», «Барон, д'Экюм», «Президент» Габен удивительно похож на Клеменсо. Наряду с этим он играет в «Клане сицилианцев» шефа гангстерской банды, а любимый публикой комиссар Мерга навсегда приобретает строгие черты Габена... Вот почему критики говорят о двух периодах, которые соответствуют двум эпохам в жизни Франции.

«Старого льва» уже нет в живых. Когда настало время подвести итог его большого дела, известные сценаристы в области кино назвали его «актером самой большой кинематографической моды», олицетворением искренности и естественности его игры вав львах «редкой концентрации интеллигентности и таланта». Рядом с его именем появлялись такие определения, как «актер, воссоздавший все образы французской человеческой комедии» и «патриарх французского кино, воплощение его истории и традиций»... А сам Габен, который не любил громких фраз, говорил о себе: «Я работаю, который любит делать дело на совесть!»

«Огни Болгарии»

«ГАБЕН — ЭТО НАША ЖИЗНЬ»

Среди множества слов, спотыкаемых формул, подготовленных экзепромтов и отточенных реплик, изъяснений печали и возданий должного случайным человеком с улицы было сказано такое: «Габен — это наша жизнь». Сказано о человеке, казалась бы, в жизнь особо не вмешивавшемся, — имеется в виду жизнь реальная, событийная в конце концов, он был «всего лишь» актером, лириком, доля которого жила в сравнении с замыслом писателя, придумавшего интригу, и трудом режиссера, обязавшего эту интригу в зримую плоть. И все же прав был безымянный француз, сказавший «Габен — это наша жизнь», и не случайно этот глас народа утвердился в заголовках статей, лишая их номинального изревания и пытаясь в памяти публики лицо — тысячи лиц — артиста, прожившего в кино жизнь всего поколения.

Когда Габен не стало, возник повод для ретроспекции, их появилось такое множество, что один из критиков даже воскликнул: «Не присутствием ли мы при рождении «мира Габена?»».

И можно побиться об заклад, что теперь попытаются нажить и на нем. Телевидение запустит его картины целыми сериями, в ход пойдут инструменты мини-потребительства, какой-нибудь дошлый экзепром по массовой культуре объяснит секрет его успеха. Операция «Богарт», операция «Мерляни Монро» и операция «Джеймс Дин» готовы повториться и по отношению к Жаку-Алексису Монжорке, более известному под именем Жана Габена, актеру кино, скончавшемуся недавно в возрасте 72 лет.

«Мир Габена» — но почему только сейчас, а не давным-давно? Ведь в кинематографе не судьба выбирать себе обличье, но личность определяет судьбу. Между тем уже добрых сорок лет назад он стал законченным явлением — в кино ходили «на Габена». Уже тогда он актер номер один французского кино, его именем открываются фильмы и афиши — до того, как появляются названия картин. С того времени (и до последних дней!) опросы зрителей давали устойчивый ответ: «Любимый артист? Габен!».

В чем же дело? Почему при всей популярности Габен не стал кумиром, повторением в бесчисленном количестве экземпляров?

Кинематограф заораживает магией ввнешняя. Здесь все вращается на впечатлении и темнота зала, и азарт коллективной реакции, и отождавление себя с героем, растворение в его образе. Но этого мало для рождения мифа.

Говорят, что операции по созданию потребительских мифов лучше удаются с американскими продуктами и американскими героями. Действительно, за океаном молодые кэзери ходили походкой Хэмптона Богарта и старательно копировали его маску «тертого парня»: девушки округляли рот, как Мерляни Монро, и отпускали товар в универсаме, благодарили кассирку ее страстным, с хрипотой шепотом; заносчивые мальчишки в куртках Джеймса Дина улыбались смутной улыбкой и были готовы в любую минуту вернуться неустоявшим гнемом.

Но у старухи Европы тоже были в коюде кэзери. По городам и весям всех континентов она делегировала дублеров Брижитт Бардо, а позже срзидала наповал целое поколение вирусом битломании (не забудем, что прически и куртки «битлов» разнес по свету кинематограф; живыми их видели считанные тысячи).

Габена знали все. Габену не подражали никто. Не появилось клетчатых курток Габена, обивчатые люди — молодые и не очень, — которые бы поджиждали губы, как он, и говорили бы почти невнятно (Габен подавал реплику на грани различимости). Неподражаемый? Но чем больше «оригинальности» в актере, тем сильнее подознательная тига зрителей походить на своего кумира.

В стремлении подражать заключено зерно нормальной человеческой реакции: пока достают до взрослости, примеряют к себе немало чужих манер. Однако связь между экранным персонажем и его жизненным двойником не столь приложима. Примером для подражания становится лишь тот образ, который вбирает в себя нечто еще не выраженное, но уже витающее в воздухе. Точное угадывание этого «нечто» означает попадание в болевую точку поколения. Наязая типаж нельзя. Его можно собрать по кусочкам, по выдумкам, и уж потом, окрашенный внешнею герою, он становится предметом для подражания.

Герой доиграывает до конца те смутные импульсы, которые бредят душу и сознание человека, поэтому, увидев на экране свое, сокровенное, он испытывает

величайшее освобождение, желание действовать и вести себя как тот, экранный образ.

Случай Габена оказался особым. Вот как определил его индкий критик французского кино Андре Базен:

«Звезды кинематографа — это не просто комедианты или артисты, пользующиеся предпочтением публики, но герои легенды или трагедии, «судьбы», с которыми сценаристам и режиссерам сознательно или бессознательно остается только сразмериться. Иначе прервется чарующая связь между актером и зрителем...»

И не странно ли, что торговый закон «хэппи энда», великий привержатель «грустных» картин и приниципиальн на накладные фальшивые концовки, — не странно ли, что этот закон вдруг отменен, когда дело касается одного из самых популярных и самых симпатичных зрителю актеров, кому мы должны бы всякий раз желать, чтобы он был счастлив, женился и наполнил детей? Но публика которая вообще-то слагивает столько фальши, которую бывает так легко провести, на сей раз точно бы почувствовала, что ее дурачат...

Как объяснить парадоксальное, кричащее противоречие с одним из веруемых законов кино? Дело в том, что Габен не воплощает сочиненные кем-то истории, но всегда играет одну и ту же: собственную». Чтобы попытаться понять, почему Габен при своей стопроцентной узнаемости не породил реальных двойников, попробуем пересказать альбом с фотографими — длинную ленту его кинобиографии, его жизни.

Вот Габен молодой, в клетчатой кепке (которой он остался верен и в старости), рядом с юной женщиной, чье платье на нынешнем витке моды «стро» выглядят архисовременно. На снимке надпись: «Милому Жану Габену, которому я предсказывала большую будущность, Апрель 1928». Очаровательная женщина — Гевина Минстегет, тогда в зените славы (не забудем, что Париж в те времена был законодательным искусству), а будущие, которые она пророчила Габену, — это мюзик-холл.

Связь с юностью, с неселым колоритом телодрамы станет тридцать лет спустя иронически темной темой фильма «Французский канкан», который поставит великий режиссер Жан Ренуар. Это картина об истоках, о том, что питало и воспитало Габена.

Никакой «клубнички» нет в этом фильме, «Мулен Руж» в нем еще не ночное кабарэ для туристов, где и французского-то языка не слышат; «Мулен Руж» только что слоколенный сарай, где и пол и стена ходят холзунм и где исеелось народ — не публика, а именно народ: мастеровые, приказчики, кузнецы и плотники, а самой лихой заводилой оказывается прачка. Режиссер Жан Ренуар перенес на экран поэтику живописных картин своего отца и его единомышленников — импрессионистов; «Французский канкан» словно оживший холст «Мулен Руж-де-ла Галетт», на котором правит бал Габен.

В своей книге о Париже Андре Моруа спрашивал, откуда у простой швени — мидистки, у прачки или горничной столько изящества и вкуса но всем, что она делает, в манерах и разговорах. И сам отвечал: ничего удивительного, ведь они сзят на работу мимо решетки Тюльери, мимо Лувра и аркад улицы Рииволи, они вынуждают с детства красоту. Можно привести слова Герцена о том, почему многие французские женщины кажутся ему красивыми: «Французская красота — чрезвычайно человеческая, социальная: такая емственным устройством быта, нравов, достается и наследие, развивается средой, внутренней работой, — такая красота факт цивилизации и народного характера».

Это приложимо и к характеру творчества — от зажиточных танцев дошарото «Мулен Ружа» до длинной череды габеновских титов, сыгранных им для кино. Растворенное в быте искусство, востный поэтами «воздух Парижа» были той средой, от которой он неотделим.

Габен сыграл полторы сотни ролей — едва ли не всех персонажей человеческой комедии, некий «маленький народ», как он любил говорить. Знаменитые кадры, вонедние но все хрестоматии по истории кино, кадры из предвоенных картин «Великая иллюзия», «Набережная туманов», «Человек-зверь», «День начинается» режиссеров Жана Ренуара и Марселя Карне. Позже кинодеды назовут эту эпоху «поэтическим реализмом» и еще — временем «великого Габена» (в отличие от Габена последующего).

Герои этих лет — солдат, дезертир, железнодорожник, фабричный рабочий — являются вошн и историю, созная, что именно они становятся глав-

ными действующими лицами, и пристальный интерес к их внутренней жизни, их переживаниям станет по праву основной темой искусства.

Габенские персонажи в этих фильмах живут смутным ожиданием, словно видит уже вагоны третьего класса, в которых сентябрьским утром они отправятся с Восточного вокзала на линию Мажино. Тень поражения уже нависла над Габеном-рабочим, которому даже любовь была ниспослана в виде наказания в фильме «День начинается», или Габеном — дезертиром колониальных войск, пытающимся улизнуть неизвестно куда («Набережная туманов»).

Следующие несколько фотографий той же не из кино. Пробыв короткое время в Америке, Габен вступает добровольцем в ряды «Сражающейся Франции». Рядовым. Он служит матросом на конвойных судах союзников, в том числе дважды ходит в Мурманск. В 1944 году командиром танка он прошел от пляжей Нормандии (где потом купит ферму) до Рейна. Наград ему не досталось — две благодарности в приказе командующего, вот и все. Орден он получил много позже, за заслуги перед отечественным кинематографом.

Послевоенный Габен появляется на экране в новом облике. Его светлые волосы поседели, на лице глубокими бороздками пролегли морщины. И герой его жил уже не смутным ожиданием катастрофы, он познал годы подлинных несчастий и смертей, познал трудное искусство быть человеком. То был фильм Рене Клемана «По ту сторону решетки», известный нашему зрителю под названием «У стены Малаганы».

Начиная с 50-х годов, габенским амплуа стал «сильный человек». Он мог быть рабочим («Улица Прариз»), адвокатом («В случае несчастия»), гангстером («Не тронь добычу»), полицейским (серия с Мегрэ), президентом концерна («Сильные мира сего») и просто президентом (из одноименного фильма по роману Сименова). Но всех персонажей объединяет добротная суть человека, никогда не льющего по течению. Это всегда личность ответственная, способная и привыкшая мыслить самостоятельно.

Создавая свои модели, актер находит для них новую краску — иначе он не был бы высоким профессионалом. Но что переходит из роли в роль, это присущий Габену дар органического бытия на экране.

Он говорит простыми фразами, откуда выскоблена риторика: Габен требовал, чтобы диалоги для него писались специально.

В амплео «звезда» непременно должна присутствовать только безумия, дementного жестокости, обязательны кляузы и вылеты. Габен в этом отношении разочаровывал разносчиков закулисных сплетен. Он никогда не опаздывал, он являлся на съемку как в мастерскую и, закатав рукава, принимался «строгать» (любимое слово).

Ему всегда претела антинародность, никаких метаний, отчаянных жестов, ничего такого, габеновские персонажи сдержанны. Однако в них была аккомпанирована такая сила, что зритель доверял им сразу. Когда в «Сильных мира сего» магнату Шудлеру приносит известие, что его сын покончил с собой, он выдержав отцовской игры на нервах, то Габен (Шудлер) две минуты смотрит в объектив кинокамеры. Целых две минуты он просто глядит, не произнося ни слова, как бы сквозь вас. Это очень

рискованный кадр. Дуккино Висконти (которому, в общем, фильм не понравился) сказал, что он не знает в мировом кинематографе другого актера, который бы мог сто двадцать секунд смотреть в объектив так, чтобы у зрителя пролегал по спине мороз.

Еще одна особенность Габена — он не боялся сниматься вместе с другими «звездами». В комедиях он играл с Бурвилем, Фернанделем, де Фюнесом. В драмах он партнерствовал с Белмондо, с Аленом Делоном, Бриалли, многими другими.

В игре с Делоном, кстати, был всегда «второй план». Их фильмы «Мелодия из подвала», «Клан сицилийцев» построены по одной схеме: в установившемся мире гангстеров, чьи законы и клановую честь бережет старый метр — Габен, врывается не признающий никаких правил молодой волк — Делон. Волк в результате проигрывает или даже погибает, ибо ничто не может поколебать устои, «если на страже их стоит такой человек, как Габен. Делону очень хотелось, чтобы Жан Габен назвал его своим преемником в кинематографе. Но этого не случилось: слишком разные личности.

Последний фильм, который шел у нас в прокате, был «Двое в городе». Габен играл в нем воспитателя, пытавшегося возратить к нормальной жизни в буржуазном обществе молодых преступников. В некотором роде эта роль символична. Практически во всех послевоенных картинах Габен и по фактуре своей внешности, а главное, по существу выступил «старшим». Даже в любовной линии картины «В случае несчастия», где он (адвокат Гобийо) пытался настаивать на путь истинный спутанную с ворьем героиню (Брижитт Бардо), Габен был «старшим». В нем очень сильно охранительное начало — не в смысле благоуразумия или постного благомыслия, а в том, что он всегда должен о ком-то заботиться, кого-то оберегать. В этом секрет его нежной насмешливости и строгого обаяния, сквозь которые проступает доброта.

Радикальные критики не раз упрекали Габена в том, что он снимается в пустышках, играя «среднего француза», а охранительность его типажа поддерживает буржуазный миропорядок. На это актер отвечал, что ему не из чего выбирать. В известной мере он был прав: в последние десятилетия французский кинематограф переживает кризис, картины заметные можно пересчитать по пальцам. Еще он говорил, что его «средний» француз прост, но не простодушен. Ясен, но не прикиплен. Он тверд в своей правоте, а его человеческие качества проверены на деле. Его герои — люди среднего регистра, но это те, из которых состоит мир, и большими событиями движут как раз «средние» люди...

Хотя тот же Габен признавался другу, что ему жаль было бы кончить на какой-нибудь дребедени. Увы, кончил он на гангстерской ленте «Свистот года».

Но подводить итоги нельзя по последней картине, даже по нескольким. Из времени, прожитого актером, выступает его «малый народен», часть народа большого, великого, имя которому Франция. Габен был его обобщающим типом, которому нельзя подражать. Им можно только быть.

Б. Тишинский
«Ревесник»

ИЗБРАННАЯ ФИЛЬМОГРАФИЯ

«ПАРИЖСКОЕ РАЗВЛЕЧЕНИЕ» («Paris-béguin»)

Режиссер Аугусто Дженина. Сценарий по сюжету Франсиса Карко. Музыка Мориса Ивиза.

В ролях: Жан Габен (Боб), Джен Марнак (Джен Диман), Жан Макс (Деде), Саторкен Фабр (Эктор, содержатель Джен), Фернандель (Фисель), Рашель Берендт (Габн, проститутка), Виолен Барри (Симона, горничная Джен).

Премьера — октябрь 1931 г.

«МАРИЯ ШАПДЕЛЕН» («Maria Chapdelaine»), 1934 г.

Режиссер Жюльен Дювивье. Сценарий по роману Луи Эмона. Художник Жак Краусс. Оператор Жюль Крюгер.

В ролях: Габен (Франсуа Паради), Мадлен Рено (Мария Шапделен), Жан-Пьер Омон, Андре Бах, Сюзанн Депре, Томми Бурдаль, Робер Ле Виган.

«НА ДНЕ» («Les bas-fonds»), 1936 г.

Режиссер Жан Ренуар. Сценарий Ренуара, Шарля Спаака, Жака Комансеца и Евгения Заматина по одноименной пьесе М. Горького. Художник Эмиль Лурье.

В ролях: Жан Габен (Васька Пенел), Луи Жуве (барон), Владимир Соколов (Костылев), Жюни Астор (Наташа), Сюзн Прим (Василиса), Жани Хольт (Настя), Робер Ле Виган.

«КОРАЛЛОВЫЙ РИФ» («Le récif de corail»), 1938 г.

Режиссер Морис Гляйце. Сценарий Шарля Спаака по роману Жана Марте. Оператор Жюль Крюгер.

В ролях: Жан Габен (Тед), Мишель Морган (Виван), Пьер Ренуар (сыщик), Жина Манес, Саторкен Фабр, Жюльен Карстт.

«ДЕНЬ НАЧИНАЕТСЯ» («Le jour se lève»)

Режиссер Марсель Карне. Сценарий Жака Превра и Жака Вио. Художник Александр Траунер. Операторы Курт Куран и Филипп Агостини. Музыка Мориса Жюбера.

В ролях: Жан Габен (Франсуа), Жюль Берри (Валлан), Арлетти (Клара), Жаклин Лоран (Франсуаза), Мади Берри (привратница), Бернар Бланс (Гастон, товарищ Франсуа), Жорж Дукинг (слепой).

Премьера — 17 июня 1939 г.

«МИНУТА ИСТИНЫ» («La minute de vérité»)

Режиссер Жан Деланнуа. Сценарий Анри Жансона и Ролена Лауденбаха. Художник Серж Нимеюв. Оператор Робер Ле Фавр.

В ролях: Жан Габен (Пьер, врач), Мишель Морган (жена Пьера), Даниэль Желен (Даниэль, ее возлюбленный, художник), Леа ди Лео, Дорис Дюранти, Дениз Клер, Симона Парис.

Премьера — 22 октября 1952 г.

«НЕ ПРИКАСАЙТЕСЬ К ДОБЫЧЕ» («Touchez-pas au grisbi»), 1954 г.

Режиссер Жак Беккер. Сценарий Мориса Гриффа по роману Альбера Симонена, диалог Симонена. Художник Жан д'Обюви. Оператор Пьер Монтаэль.

В ролях: Жан Габен (Макс), Жанна Моро (Жюзи), Дора Дола (Лола), Рене Дари (Ритон), Поль Франкер (Пьеро), Анджело Боррини, Габн Бассе (Маринетта).

«СИЛЬНЫЕ МИРА СЕГО»

(«Les grandes familles»), 1958 г.

Режиссер Дени де ля Пательер. Сценарий Дени де ля Пательера и Мишеля Одинара по роману Мориса Дрюна. Художник Рене Ренуа. Оператор Луи Паж. Композитор Морис Тирье.

В ролях: Жан Габен (банкир Ноэль Шудлер), Пьер Брассер (Люлю Моблан), Бернар Бланс (Симон Лашом), Жан Десайн (Шудлер младший), Луи Сенье, Анни Дюко.

«Мария Шанделен»

«Не тронь добычу»

«День начинается»

«На дне»

«Минута истины»

«Сильные мира сего»

СЕЗОН 1977/78 Г.Г.

Цена 20 коп.

Тип. «Сіга». 1977. 4451-п 1000

К.Ш.